

Демидова Марина Владимировна

канд. филос. наук, эксперт

ООО «Аспект»

г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-115783

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК СТРАТЕГИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЩЕГО БЛАГА: РИСКИ И ТАКТИКИ

***Аннотация:** с целью выявления основных рисков и тактик реализации стратегии «символический капитал» изучена проблема достижения общего блага в капиталистическом обществе. Автором впервые предложены тактики реализации данной стратегии, представленные в качестве способов преодоления выявленных рисков: временных, средовых, ментальных, информационных, институциональных и стратагемных. Сделан вывод о маловероятном равноправном участии партнёров в процессе достижения общих интересов по причине различной величины символического капитала участников партнёрства. Исследование проведено в сложностной парадигме на основе диалектического, компаративного и социально-философского подходов. Даны практические рекомендации по применению полученных результатов.*

***Ключевые слова:** символический капитал, стратегия, риск, стратагема, менталитет, П. Бурдьё, благо, конвергентный труд, социальный обмен, капитал, доверие.*

Понятие «символический капитал» представлено работами П. Бурдьё (франц. Pierre Bourdieu) (1930–2002) [2–4], Ж. Бодрийяра (франц. Jean Baudrillard) (1929–2007) [1; 7] и Э. Тоффлера (англ. Alvin Toffler) (1928–2016) [5; 22]. Согласно современным исследованиям [12], П. Бурдьё предложил наиболее релевантное определение понятию «символический капитал», понимаемый как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [8, с. 231], формируемой на основе стратегии накопления доверия, то есть «со-

циальных отношениях зависимости» [9, с. 272]. Другими словами, символический капитал – это кредит доверия. Если Ж. Бодрийяр трактовал символический капитал как имиджевый капитал, а Э. Тоффлер предлагал понимать его как капитал знаний, то П. Бурдьё включил оба эти значения в одно смысловое понимание символического капитала, в котором присутствуют и имиджевые, и знаниевые, а также другие факторы, необходимые людям в социальном взаимодействии. То есть символический капитал представлен П. Бурдьё в виде стратегии социального взаимодействия, осуществляемой посредством доверия, определяемого современными исследователями как «установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения – подчинение авторитету» [21, с. 5]. Суть этой стратегии сводится к тому, что в случае доверительных отношений между членами общества возможно социальное взаимодействие и тем самым поддержание целостности общества. В мировом масштабе это означает создание общего для стран-участниц партнёрского пространства в его виртуальном или физическом выражении.

В наше время для глобализирующегося мира данная стратегия является одной из приоритетных, поскольку в процессе взаимодействия стран она позволяет понять вероятность успешности и перспективы взаимодействия обществ различных стран друг с другом. Такая стратегия предполагает партнёрские отношения между участниками взаимодействия, строящиеся не на диалектике господина и раба, а на диалектике символического капитала, то есть на взаимовыгодных, взаимointересных и взаиморезультативных отношениях [11].

Если понимать стратегию как путь (или способ) к достижению цели, а тактику как средство реализации стратегии, то «символический капитал» для глобализирующегося мира является оптимальным путём, но имеет свои риски и соответствующие тактические особенности.

Для их определения сначала следует решить вопрос о цели применения данной стратегии в процессах взаимодействия различных стран. Скорее всего, обусловлен-

ность взаимодействия стран имеет конкретные цели для каждого из членов взаимодействия, выраженные в виде тех или иных интересов, но первичной и основной целью для всех здесь является достижение общего (для некоторого количества участников) блага, которое, однако, может пониматься по-разному по причине культурных, политических, экономических и других представлений о жизни в менталитете людей отдельных обществ. В этом состоит основной риск применения стратегии символический капитал. Для понимания путей его преодоления следует понять причины трансформации представлений об общественном благе.

Идея общего блага стара как мир. Наиболее известные теории о его достижении принадлежат философам античной древности Платону и Аристотелю, представлены древневосточной конфуцианской философией и на протяжении многих веков они переосмыслились, создавались новые системы общественного устройства. С приходом капитализма для многих стран одной из основных теорий общественного блага стала философская система К. Маркса, в которой благо трактовалось в первую очередь как экономическая справедливость. Развитие информационных технологий в XX веке изменило представления о характере труда, а поэтому и о капитале, который принял также и символическую форму.

В связи с этим в настоящее время, когда происходит формирование нового этапа развития общества – общества символического капитализма [13], мы наблюдаем качественные изменения труда, ведущие и к новому пониманию справедливости и блага. Часто труд современного работника есть конвергенция физических и интеллектуальных его усилий. Например, информационная организация производства материальной продукции требует и знаний, касающихся работы интеллектуальной компьютерной системы, и знаний, касающихся характеристик материальной продукции и процессов ее производства. В связи с этим можно констатировать появление и развитие в современном обществе новой формы труда – «конвергентный труд», представляющего собой синтез интеллектуальных и физических усилий в процессе реализации способа производства. Данный фактор влияет на производственные отношения с точки зрения их безопасности, в первую очередь информационной.

В этом процессе большое значение имеют инновации как технологии реализации новаций, распространившиеся на все сферы деятельности людей, в том числе на социально-политическую, что нашло своё выражение в формировании нового типа политической организации общества – социального государства, функционирующего на основе принципов справедливости и общего блага и с помощью инновационных социальных, политических, экономических, юридических и других технологий.

Большинство современных социальных государств по типу политического устройства являются демократическими; это означает, что власть здесь должна обеспечить всем людям равный доступ к благам. Для объяснения этого процесса в научной литературе применяется понятие «справедливость» как принцип организации государства. В эпоху зарождения и развития капитализма социальная справедливость толковалась в финансовых капитальных единицах и в духе марксистского социализма провозглашался принцип социального равенства: «каждый по способностям, каждому по потребностям» [19, с. 15]. В эпоху перехода капитализма в символическую фазу, в символический капитализм, социальная справедливость истолковывается, исходя из наличия равных возможностей к приобретению и пользованию символическими благами, то есть знанием, информационными технологиями и другим. Как правило в настоящее время во многих обществах применяются цифровые технологии контроля за распределением благ, направленные как на облегчение организации взаимодействия органов власти с населением, так и на борьбу с коррупцией. Степень развитости таких технологий контроля за распределением благ в разных странах различная, относительно максимальной она является в современном Китае, где даже в вузах занятия и экзамены фиксируются системой видеонаблюдения, что обеспечивает подготовку реально высококвалифицированных специалистов и может оцениваться только положительно [17].

И досимволический, и символический капитализм – это всё же капитализмы, но разного типа зависимости участников социального взаимодействия. Капиталистическое общество построено по принципу социальной зависимости

как источника получения добавочной стоимости или выгоды (материальной или символической). Если капитализм марксистского типа есть капитализм, при котором достигается благо капиталиста путём отъёма благ у работников (их время, здоровье, силы и другое), то при символическом капитализме происходит трансформация процесса достижения блага, когда блага не отбираются у объектов взаимодействия, а благами обмениваются, либо они достигаются совместно. Конечно, сразу возникает вопрос о равноценности обмена благами, а также о количестве вносимого символического капитала в процесс взаимодействия и социального обмена, так как у конкретных участников он может отличаться по величине и качеству. Поэтому полная независимость участников при применении стратегии «символический капитал» маловероятна, она относительна их вкладу в процесс обмена символическими выгодами. В связи с этим можем утверждать, что геополитика и диалектика «господина и раба» (западноевропейская гегелевская) в глобальном пространстве примитивна и не соответствует принципам зарождающегося символического капитализма, основанного не на подчинении, а на консенсусном взаимодействии [11].

Однако, как уже было сказано выше, стратегия «символический капитал» нова для применения в глобальном масштабе, а поэтому имеет свои риски, избежать которые возможно, если следовать определённым тактикам её применения. Считаем данные тактики способом преодоления рисков применения данной стратегии.

Понятие «риск» истолковывается исследователями по-разному. Если понимать его как вероятность достижения желаемой цели в определённых или неопределённых, пространственных, временных или других условиях состояний объекта, то на первый план здесь выходит понятие «скорость», которое может трактоваться как величина (или количество) изменения состояния объекта в координатах пространства и времени, то есть в хронотопе. Скорость достижения цели зависит от благоприятности условий достижения цели. Если целью стратегии является развитие, то благоприятное условие – это то, которое способствует разви-

тию. Условия реализации стратегии могут относиться не только к состояниям объекта системы, то есть самого объекта, но и среды, в которой он существует, функционирует. В контексте нашего исследования стратегии «символический капитал» в социально-политическом и глобальном масштабах это рассуждение означает, что при установлении партнёрских отношений следует учитывать *временные риски*, которые могут быть вызваны степенью развитости и скоростью (быстрой или медленной) развития партнёров, а также *средовые риски*, вызванные средой существования партнёра (насколько он зависим и от чего).

Исходя из данных рассуждений, можем выделить и другие риски применения стратегии «символический капитал»: *ментальные, информационные, институциональные и стратагемные*.

Ментальные риски применения стратегии «символический капитал» обусловлены социальным хронотопом определённого общества. Любой социум привязан к тому или иному времени и пространству и проявляет себя в модальностях бытия, то есть в различных формах своего существования, которые в свою очередь выражены в традициях, обычаях, социальных нормах, языке конкретных обществ. Менталитет является категорией культуры и определяется как интеллектуально-психологическая характеристика общества, он обуславливает наполняемость символического капитала, имеющего эпистемологическую (познавательную) природу и состоящего из смыслов (социальных, культурных, этических, политических и других). Символический капитал есть функция преобразования социальных действий в их значения, ценность которых определяется людьми, исходя из их ментальных установок. Благодаря символическому капиталу как кредиту доверия, выполняющему обменную функцию, возможен социальный обмен функциями, определяющимися социальными или другими интересами. А интересы обусловлены менталитетом, поэтому рискованным может быть партнёрство обществ с разными менталитетами, а наиболее эффективным будет партнёрство обществ со схожими менталитетами. В настоящее время партнёрство России и Китая может быть перспективным по причине сходства куль-

тур, но в них есть и отличия, которые могут помешать достижению полного доверия в отношениях: китайское конфуцианское учение о благородном муже, лёгшее в основу современной китайской социальной политики [18; 20], не приемлет гуманное отношение к коррупции в органах власти, что не характерно для российской системы государственного управления. Тактически ментальные риски легче предупредить, чем нейтрализовать, поэтому основная *тактика* в данном случае долгосрочна и представляет собой культурный диалог с целью достижения взаимопонимания между партнёрами. Кроме этого, обязательное транслирование национальных (государственных) культурных ценностей и языка [15] посредством системы образования позволит сохранить национальную идентичность и поддерживать патриотизм у населения.

Информационные риски обусловлены коммуникативным опосредованием символического капитала. Причиной таких рисков является проблема различения информации и дезинформации об интересующем партнёре. Именно информация является основным ресурсом формирования символического капитала, исходя из неё создаётся мнение о возможности доверия или недоверия партнёру. Для преодоления подобных рисков также лучше применять профилактические меры в виде заранее сформулированных договорённостей между партнёрами; причём исполнение достигнутых договорённостей следует фиксировать либо посредством личного присутствия, либо с помощью субъектонеutralной фактофиксации (видеосъёмка, видеотрансляция и др.).

Институциональные риски могут возникнуть при недостаточном институциональном контроле за ситуацией и являются производными от нерerefлексивных социальных рисков, обусловленных верой в традиции, обычаи, слухи и другие неформальные социальные нормы [14]. Чаще всего они возникают при отсутствии формальных (юридических) регуляторов и тогда разрастаются габитусные матрицы как «мезоструктура взаимосвязанных габитусов, с помощью неформальных норм регулирующих обыденную жизнь людей» [10, с. 66]. Они могут быть этническими, культурными, коммерческими и другими и формируются

по интересам социальных групп. Как отмечают исследователи, в отношении экономической сферы деятельности «слабость и деформированность формальных институтов управления и разрешения конфликтов компенсируется неформальными олигархическими сетями. Эти сети перехватывают часть функций государства по выработке и соблюдению формальных институциональных правил взаимоотношений между бизнесом и властью, разрушая тем самым слабые демократические институты» [6, с. 90]. Основной *тактикой* профилактики, минимизации и преодоления данных рисков является мониторинг ситуации и последующее институциональное регулирование.

Стратагемные риски часто могут являться следствием информационных рисков по причине заведомой подмены одной цели (не объявленной) на другую. То есть, будучи обманной стратегией, стратагема под видом одной цели (видимой и заявляемой) преследует достижение совсем иной цели (скрытой) [16]. Другими словами, если партнёр намерен выстраивать дружеские отношения или помогать другому партнёру, то следует вспомнить народную мудрость: «доверяй, но проверяй», потому что согласно другой народной мудрости, «кролик удава тоже интересуется», но с какой целью? Цели стратагем могут быть разведывательные, манипуляционные и другие в зависимости от реальных интересов партнёров.

Указанные тактики как способы преодоления выявленных рисков имеют принципиальный характер ввиду проведения автором социального-философского исследования проблемы. Более подробные, практические разработки в данном направлении могли бы продолжить учёные-практики: политологи, экономисты, социологи и другие.

Таким образом, в данной работе исследован символический капитал как стратегия достижения общего блага, выявлены основные риски реализации стратегии: временные, средовые, ментальные, информационные, институциональные и стратагемные. Автором предложены тактики реализации данной стратегии, представленные в качестве способов преодоления выявленных рисков. Сделан вывод о маловероятном равноправном участии партнёров в процессе дости-

жения общих интересов по причине различной величины символического капитала участников партнёрства. Полученные результаты могут быть применены в социальной теории и практике, социальной философии, политологии, в сфере развития международных отношений.

Список литературы

1. Baudrillard J. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture. Port Townsend: Bay Press. – 1983. – P. 126–133.
2. Bourdieu P. Le sens pratique. Les Editions de Minuit. – Paris, 1980. – 475 p.
3. Bourdieu P. Questions de sociologie. – P.: Minuit, 1980. – 268 p.
4. Bourdieu P. Raisons pratiques: sur la théorie de l'action. – P.: Éd. du Seuil, 1994. – 251 p.
5. Toffler A., Toffler H. Revolutionary Wealth. Knopf Doubleday Publishing Group, 2006. – 512 p.
6. Алейников А.В. Социокультурные механизмы воспроизводства конфликтов власти и предпринимательства в России / А.В. Алейников, И.Д. Осипов, А.Г. Пинкевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2014. – №4. – С. 90–104. – EDN: SYKRMD
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
8. Бурдье П. Практический смысл / П. Бурдье. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с. EDN QOGTMH
9. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. EDN QOECDF
10. Демидова М.В. Место символического капитала в обществе метамодерна: ценности и габитусные матрицы / М.В. Демидова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – №2. – С. 66–74. DOI 10.25198/2077–7175–2024–2–66 – EDN: OFOMRF

11. Демидова М.В. Символический капитал как стратегия трансформации диалектики господина и раба: сборник трудов конференции / М.В. Демидова // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 июня 2024 г.). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 38–45. – DOI 10.31483/r-112620. – EDN: ANHZXW
12. Демидова М.В. Символический капитал: интерпретации и виды / М.В. Демидова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40. – Вып. 3. – С. 392–403. DOI 10.21638/spbu17.2024.303
13. Демидова М.В. Социально-философское обоснование теории символического капитализма / М.В. Демидова // Философия права. – 2015. – №4 (71). – С. 20–23. – EDN: UJENUN
14. Демидова М.В. Социальные риски в условиях символического капитализма: философия и методология исследования / М.В. Демидова // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – №5 (44). – С. 87–92. – EDN: TBVPRKD
15. Иванова Д.Н. Языковое измерение национального менталитета / Д.Н. Иванова // Языковые и культурные контакты. – 2023. – №12. – С. 45–50. – EDN: JSNPNY
16. Лебедева О.А. Использование стратагем для достижения скрытых целей / О.А. Лебедева, Е.Д. Швец // Научные Записки ОрелГИЭТ. – 2010. – №2. – С. 267–270. – EDN: OJUBWX
17. Ли С. Совершенствование механизма борьбы с коррупцией в высших учебных заведениях Китая в новых условиях / С. Ли // Власть. – 2019. – Т. 27. №3. – С. 223–230. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6449 – EDN: WZXQUL
18. Люй Ц. Конфуцианское высшее идеальное общество – «общество да-тун» / Ц. Люй // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №1–3 (115). – С. 6–9. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.070 – EDN: ESFIAI
19. Маркс К. Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2. – 1948.

20. Михайлова О.В. Эволюция антикоррупционной политики Китая: проблемы и решения / О.В. Михайлова, Ц. Шао // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – №4. – С. 68–80. DOI: 10.55959/MSU0868–4871–12–2023–1-4–68–80. – EDN: GWWFVF

21. Невважай И.Д. Знание, вера, доверие и научное образование / И.Д. Невважай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – №3. – С. 3–6. – EDN: MVVWFD

22. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 672 с.